
УДК 82.0
ББК 83.00
С 92

Схаляхо Д. С.

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы Адыгейского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева, e-mail: Shalahoabubachir@yandex.ru

**Аспекты интертекстуальности в рассказе
Ю. Ахметукова «Геройская смерть»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Осмысливаются процессы взаимовлияния культур, прослеживаются особенности образостроения в только что формирующейся художественной прозе адыгов. Отмечено, что имеющиеся схождения поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» и рассказа Ю. Ахметукова «Геройская смерть» вызваны, прежде всего, типологически конфликтными узлами произведений, вытекающими из единого общественно-политического пространства изображаемого времени. Рассматривается своеобразие нравственно-философской проблематики, касающейся вопросов войны. Установлено, что исторический процесс истолковывается А. С. Пушкиным как неизбежное столкновение носителей противоположных культурных идей, что приводит к гибели культуры одной из противоборствующих сторон.

Ключевые слова:

Интертекстуальные связи, культурная интеграция, сравнение, сопоставление, пересечение, исторический аспект, структурный элемент, эстетическая величина.

Skhalyakho D.S.

Candidate of Philology, Leading Scientist of Literature Department, Adyghean Institute of Humanitarian Researches named after T.Kerashev; e-mail: Shalahoabubachir@yandex.ru

Aspects of intertextuality in Yu.Akhmetukov's story "Heroic death"

Abstract:

The paper deals with the thinnest processes of interference of cultures using an example of research of intertextual aspects in Yu.Akhmetukov's story «Heroic death». The author studies features of an image formation in newly-formed art prose of the Adyghes. It is noted that an available convergence of the poem by A.S. Pushkin "The Caucasian Captive" and Yu.Akhmetukov's story "Heroic death" is caused, first of all, by typologically conflict knots of works originating from uniform political space of represented time. The originality of the moral and philosophical perspective concerning questions of war is considered. It is established that historical process is interpreted by A.S. Pushkin as inevitable collision of carriers of opposite cultural ideas that leads to death of culture of one of warring parties.

Keywords:

Intertextual relations, cultural integration, comparison, crossing, historical aspect, structural element, esthetic value.

Встреча и диалог культур разных типов, пересечение и взаимодействие пространств и культурных значений является основой развития человечества. Однако, как пишет У. М. Панеш, «накопленный ранее и восполненный в последние годы опыт изучения просветительской литературы показывает, что наметившийся процесс системного и историкотипологического изучения требует критического подхода. Существующая литература о просветительстве свидетельствует о том, что не все эстетические явления писателей стали объектом глубокого, именно системного анализа. На их осмысление и оценку по-прежнему оказывают воздействие односторонние, конъюнктурно сориентированные, а подчас политизированные историко-теоретические подходы. В ряде случаев, например, преувеличивается значение влияния русской литературы. Национальная письменная литература, возникшая и существовавшая в необычных условиях, как бы подтягивается до уровня русской литературы и рассматривается в контексте неприемлемых для нее критериев» [1: 132]. По мнению ученого, «важны взвешенные подходы, новые оценки, как художественных явлений, так и в целом самой эпохи как определенного периода в развитии национального культурного самосознания» [1: 132].

В контексте данных рассуждений нас интересуют те интертекстуальные отношения, которые можно выстроить между рассказом адыгского писателя-просветителя Ю. Ахметукова «Геройская смерть» и поэмой А. С. Пушкина «Кавказский пленник».

Как известно, черкесская тема в творчестве А. С. Пушкина явилась результатом и отражением сложнейших исторических процессов, связанных с проблемой «Кавказ и Россия». И поэма «Кавказский пленник» стала первым произведением, отражающим эту проблему. А. С. Пушкин, называя черкесов «Кавказа гордыми сынами», говоря об их «дикой вольности люб-

ви», в то же время в эпилоге, где поставлен исторический аспект произведения, превозносит А. П. Ермолова, осуществлявшего политику покорения Кавказа, за его подвиги в деле усмирения непокорного населения. Поэт-державник высокомерно повелевает, как бы войдя в образ самого генерала: «Поникни снежною главою, / Смирись, Кавказ: идет Ермолов!» [2: 21].

Исторический аспект произведения логически развивает любовная драма. Она составляет сюжетную ось поэмы, где рядом с главным героем самостоятельное и независимое от него существование получает образ черкешенки, показанной со всеми атрибутами романтической привлекательности. Она становится активным и вполне равноправным героем действия. Отсюда и возникает необходимость объективной характеристики равноправных, но противоположных персонажей – пленника и черкешенки, из которых каждый имеет свое значение и свою судьбу.

В отличие от пленника, с большим обожанием и бесконечной нежностью создан образ черкешенки, которая является олицетворением невинности, душевной простоты и естественности чувств, неподдельной отзывчивости и высокого благородства. По словам рецензента, «она является одним из самых привлекательных образов, которые когда-нибудь были изображены в поэзии» [3: 373]. И сам А. С. Пушкин писал: «Черкешенка моя мне мила, любовь ее трогает душу». И с огорчением признавался: «Конечно, поэму приличнее было бы назвать Черкешенкой. Я об этом не подумал» [4: 32]. Влюбившись впервые, героиня полностью отдалась своему чувству, «нежному и покорному». Но горячая любовь черкешенки осталась безответной. Пленник с бесчувствием отверг ее. Только в последнюю минуту, когда черкешенка освобождает его, перед ним на мгновение открывается вся сила и глубина ее чувства.

Но героиня понимает, что это только непродолжительный порыв, который

скоро угаснет, и останется одна только благодарность. И она отказывается принять его призыв оставить «ужасный край». Черкешенка есть истинно нравственный человек, уважающий в пленнике право свободной личности, а, следовательно, и естественные стремления его души. И она не хочет принять от него жертву, которая должна состоять в его готовности принадлежать ей даже и без любви. Это значило бы принести чужое счастье в жертву своему собственному. Так как героиня заботилась гораздо больше о счастье пленника, чем о своем собственном, она отказывается бежать с ним, потому что не хочет препятствовать его любви к другой женщине и возможному счастью с ней. Такой поступок есть выражение истинной духовности. В отличие от индивидуалиста-пленника, которому свойственно шагать по чужим жизням, даже не замечая этого, черкешенка является выразительницей возвышенно-героического, аутентично-гуманистического начала: полюбив сильно и глубоко, она не щадит себя, дает возлюбленному волю ценою своей жизни.

Неблагодарный поступок героя многим критикам, да и читателям тоже, показался грубым, непристойным, циничным, им хотелось увидеть счастливую развязку. У кавказской публики тоже эта любовная драма вызвала недоумение: «Почему дочь маленькой, истребляемой, сжигаемой со света народности должна была любить до самозабвения, в обстановке войны, человека, активно боровшегося против ее героически сражавшейся за свою волю родины, - пишет видный представитель горской интеллигенции, первый карачаевский публицист и критик Ислам Хубиев (Карачайлы). – Почему бы не наоборот: почему бы этому пленнику, «познавшему неверной жизни цену», и который к тому же «жаждой гибели горел», не проникнуться уважением к черкесам, которые ничего чужого не хотели, а хотели отстаивать свои родные гнезда, свои очаги и, отстаивая их, бывали порою или ча-

стенко жестоки, теряли человеческий образ, хотя в этом нет ничего удивительного, ибо... (на войне – по-военному)» [5: 55]. Автора этой статьи раздражало то, что «...наделив ее (черкешенку – Д.С.) склонностью к большой, глубокой, бескорыстной привязанности, он лишает ее достоинств черкесской гражданки, враждебной нашествию иноземных полчищ, несущих ее родине чужие законы и порядки, которые шли на Кавказ для того, чтобы «губить, ничтожить племена» [5: 53]. Опираясь на обычаи в укладе жизни черкесов, далее он пишет: «Горец и горянка времен Кавказской войны прекрасно сознавали, что они должны подчинять все свои интересы, вплоть до самых интимных, интересам своей родины, интересам и задачам защиты ее свободы и считали позорным, постыдным, преступным поступать иначе» [5: 53]. Отмечая, что пленник с любовью наблюдал нравы черкесов и даже учился их языку, критик продолжает: «Пушкину при тех неисчерпаемых изобразительных средствах, какими он, как великий художник, располагал, абсолютно ничего не составляло изобразить происшедшую в пленнике метаморфозу (если бы он этого захотел) и с достаточной художественной убедительностью доказать, как враг добросовестный иногда может стать другом своего вчерашнего врага» [5: 56].

Здесь интересно будет привести художественные параллели из творчества национальных писателей, чтобы путем сравнения, сопоставления фактов, явлений, художественных образов глубже познать мир литературного произведения А. С. Пушкина, с одной стороны. С другой – чтобы проследить особенности образостроения в только что формирующейся художественной прозе адыгов, определить роль и значение художественных конфликтов на военную тему, оценить новизну созданных типов-героев, своеобразие нравственно-философской проблематики – всего того, что придает качество новиз-

ны историко-художественному мышлению адыгского народа, касающемуся вопросов Кавказской войны. В частности, обратимся к творчеству Ю. Ахметукова, в чьих произведениях, создававшихся на рубеже XIX–XX веков, нашли отражение вопросы истории и судьбы адыгского народа, анализ общественных проблем драматической эпохи. Г. Манн справедливо утверждал: «От Пушкина до Горького, звено к звену, в непрерывном ряду стоят романы и обучают глубокому познанию человека, знакомят с его слабостями, его опасениями, с его призванием, – и они воспринимаются как учение о самой жизни...» [6: 46]. В его рассказах, на тему кавказской войны, повествующих о случаях любви черкешенки к русскому или черкеса к русской девушке чувствуется дух пушкинского «Кавказского пленника». Например, в рассказе «Геройская смерть» Ю. Ахметуков в чем-то повторяет некоторые событийно-сюжетные ходы пушкинской поэмы, описывая историю большой человеческой любви между начальником русской крепости штабс-капитаном Дубасовым и черкешенкой Бзикотль. Дубасов, подобно пушкинскому пленнику, интересовался незнакомой жизнью черкесов, принялся за изучение туземного языка и мог в скором времени довольно свободно объясняться на нем. Но, в отличие от пушкинского героя ахметуковский отвечает взаимностью на любовь черкешенки. И не только, он уважительно относится к местному населению, несколько не принижая человеческого их достоинства. Дубасов сочувствует черкесам, понимает, в каком положении они находятся, и, прощая проявляемую с их стороны ненависть к русской армии, думает: «Это естественно, мы пришли сюда непрощенные, хотели отнять у них землю и лишить их свободы» [7: 156]. Как и пушкинская черкешенка, героиня Ю. Ахметукова способна на большое чувство и готова умереть за любимого. Но, в отличие от пушкинской героини, в словах и действиях которой абсолютно не чувствуется ни малейшего на-

мека на проливающуюся кругом кровь, Бзикотль готова пожертвовать своей любовью ради соплеменников. Любя Дубасова, она признается: «... все-таки охотно лишилась бы тебя, лишь бы все ушли отсюда и оставили бы нас в покое» [7: 157].

Бзикотль – дитя патриархальной, суровой горской жизни со своими обычаями и традициями: при всей видимой ее раскованности, решительности и свободе, собственное «я» героини слито с этническим «я». Девушке не безразлично, что о ее любви к русскому подумают близкие. Она не может отрешиться от традиционного представления горцев: уверенная, что за любовь к иноверцу будет жестоко наказана, она говорит возлюбленному: «Любить русских нам нельзя, а я полюбила тебя, врага нашего, и Аллах меня за это накажет; не миновать мне его суда» [7: 156)]. Бзикотль помогает любимому спастись, но, на его просьбу убежать с ним, отказывается, готовая искупить свою вину перед родиной смертью. Жестоко и беспощадно расправляются горцы с изменницей, помогавшей врагу бежать. Потом в отместку за нее они разрушают русскую крепость, и Дубасов там погибает.

В отличие от А. С. Пушкина, который подал своих героев схематично, избегая всяких подробностей и посторонних эпизодов, Ю. Ахметуков оживил свой рассказ происшествиями, которые сами собой вытекали из происходящих событий. Он включил в сюжет рассказа жениха девушки, который выследил влюбленных, обнаружил их взаимоотношения и после ее смерти, мстя за нее, и сам погиб. Правда, автор необычайно скуп в его характеристике. Эта фигура нужна была Ю. Ахметукову только для действия. Вместе с тем включение второстепенного участника действия сделало драматическую часть рассказа полнее и оживленнее, обогатило характеры главных героев подробностями и жизненной полнотой. В отличие от «Кавказского пленника», где два действующих лица даны в полной изо-

ляции от всего остального, где они даже лишены собственных имен, здесь герои принимают участие в общей жизни, они связаны с изображаемой средой.

Конечно, и А. С. Пушкин мог обогатить свою поэму разными сюжетными действиями. Осознавая это, он в письме к Н. И. Гнедичу писал: «Легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собой истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником избавительницы: вот вам и сцены ревности, отчаяние, опасности для свиданий и проч. нашего пленника и проч. Мать, отец и брат ее могли бы иметь каждый свою роль, свой характер – всем этим я пренебрег, во-первых, от лени, во-вторых, разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части моего Пленника были уже кончены, а сызнова начать не имел я духа...» [8: 548]. Фабульная простота произведения вытекала из лирического построения поэмы. Если бы А. С. Пушкин включил в поэму сцену «ревности, отчаяния, прерванных свиданий, опасностей и проч.», то она превратилась бы в избитую драму, лишенную оригинальности и выразительности, в которой преувеличенно трагическое сочеталось бы с сентиментально-чувствительным на экзотическом материале. Тогда центр тяжести переместился бы, и смысл поэмы был бы не тот. В этом отказе, который нарушил бы лирическую структуру поэмы, виден был уже мастер, знающий, чего он хочет. Через анализ любовного эпизода между пленником и черкешенкой, образующего сюжет произведения, мысль поэта движется в поэме к проникновению в ее более глубокие и сложные пласты, ведя читателя к ощущению наиболее общих культурно-исторических и психологических противоречий времени. Конфликт двух психологически противопоставленных друг другу героев превращается в поэме в выразительную картину, анализ которой открывает перед поэтом и читателем широ-

кую историческую перспективу, позволяющую ощутить глубокое и сложное внутреннее драматическое содержание исторического столкновения «цивилизации» и первобытности. Психологическое столкновение характеров пленника и черкешенки наполнилось двойным содержанием: личный, сугубо «интимный» конфликт приобрел широкий, общезначимый смысл, стал выражением общественных настроений, зеркалом борьбы и противоречий исторической жизни эпохи.

Примечательно, что одинаковая любовная ситуация и у А. С. Пушкина и у Ю. Ахметукова рождает идентичную трагическую развязку. Но если в рассказе адыгского просветителя между влюбленными лежит непроходимая пропасть, разделяющая их народы, и они гибнут трагически, то у русского классика погибает только одна черкешенка, а пленник остается жить. И это сделано автором, надо полагать, вполне осознано. Обожатели пушкинской черкешенки не поняли, что трагический исход – необходимое следствие противоречия между изнуряющими страстями европейской цивилизации и нетронутой первобытной природой, лежащего в основе замысла поэмы. Равнодушие пленника к судьбе черкешенки, отсутствие в нем естественного порыва спасти ее таится в самой его натуре. Это формула действия героя-индивидуалиста. Хотя многими литературоведами поэма «Кавказский пленник» рассматривалась чаще всего как плод первых, незрелых поэтических опытов А. С. Пушкина, в ней ярко проявился острый, наблюдательный ум поэта, его умение философски оценивать окружающую действительность. Исторический процесс истолковывается поэтом как неизбежное столкновение носителей противоположных культурных идей и идеалов, и эта коллизия чревата смертельным исходом для культуры одной из противоборствующих сторон. Задача автора в «Кавказском пленнике» в том и заключалась, чтобы показать, как в процес-

се наступления просвещенно-державной Российской цивилизации на культурное пространство Кавказа, исторически обреченной оказывается этнокультурный мир последнего. В сверкающих штыках и окликах сторожевых казаков в финале поэмы уже чувствовалась тяжелая неотвратимая поступь истории: погибнет «дикая вольность» Кавказа, как погибла черкешенка. Трагедия черкесского народа – это трагедия народа, обреченного самим ходом истории на поражение. Судьба неизбежно, но и неповинно гибнущего народа перед торжествующим ходом истории государства Российского – вот трагический узел поэмы А. С. Пушкина.

Подводя итоги, можем сказать, что творческим ориентиром Ю. Ахметукова в создании рассказа «Геройская смерть» стала поэма А. С. Пушкина «Кавказский пленник». В данном случае, если взять за

основу рассмотрения внешние проявления, можно говорить о каком-то влиянии могущественного магнитно-творческого поля, каким обладал А. С. Пушкин. Правда, имеющиеся схождения в изображении любовной ситуации, вызваны, прежде всего, типологическими общими конфликтными узлами произведений, вытекающими из единого общественно-политического пространства изображаемого времени. Вместе с тем, интертекстуальные связи, присутствующие в рассказе Ю. Ахметукова на уровне образного и сюжетного варьирования, становятся необходимыми структурными элементами и несут в себе мощную эстетическую величину, свидетельствуя о подчеркнутой направленности творчества адыгского писателя-просветителя на классическую литературу в анализе общественных проблем драматической эпохи.

Примечания:

1. Панеш У.М. Интеграция культур и проблемы изучения отечественной литературы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2007. Вып. 2 (26). С. 127-137.
2. Пушкин А.С. Кавказский пленник // Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986. С. 3-24.
3. Цит по книге: Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Кн. 1. М., 1951. 879 с.
4. А.С. Пушкин о литературе / сост. и примеч. Н.В. Богословского. М.: Худож. лит., 1962. 590 с.
5. Карачайлы И. Горцы и их борьба за свою свободу в творчестве А.С. Пушкина // Революция и горец. 1929. № 5 (7). С. 48-59.
6. Mann H. Ein Zeitalter wird desichtig. Weimar, 1948.
7. Ахметуков К.-Б. Геройская смерть // Ахметуков К.-Б. Избранные произведения / вступ. ст. и подгот. текстов к изданию Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 153-163.
8. Письма А.С. Пушкина к Н.И. Гнедичу 1820-1830 гг. // Русская старина. СПб., 1880. Июль.

References:

1. Panesh U.M. Integration of cultures and problems of studying the domestic literature of the XX century // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the arts». Maikop, 2007. Iss. 2 (26). P. 127-137.
2. Pushkin A.S. The Caucasian prisoner // Pushkin A.S. Works: in 3 v. V. 1. M.: Khudozh. lit.

1986. P. 3-24.

3. Quoted on the book: Tsyavlovsky M.A. Chronicle of A.S. Pushkin's life and creativity. Book 1. M., 1951. 879 pp.
4. A.S. Pushkin about literature / comp. and references by N.V. Bogoslovsky. M.: Khudozh. lit. 1962 . 590 pp.
5. Karachayly I. Mountain dwellers and their fight for freedom in A.S. Pushkin's works // Revolution and a mountain dweller. 1929. No. 5 (7). P. 48-59.
6. Mann H. Ein Zeitalter wird desichtig. Weimar, 1948.
7. Akhmetukov K.-B. Heroic death // Akhmetukov K.-B. Selected works / introductory art. and preparation of texts to Khashkhozheva's publication. Nalchik: Elbrus, 1993. P. 153-163.
8. A.S. Pushkin's letters to N.I. Gnedich 1820-1830 // The Russian old times. SPb. 1880. July.